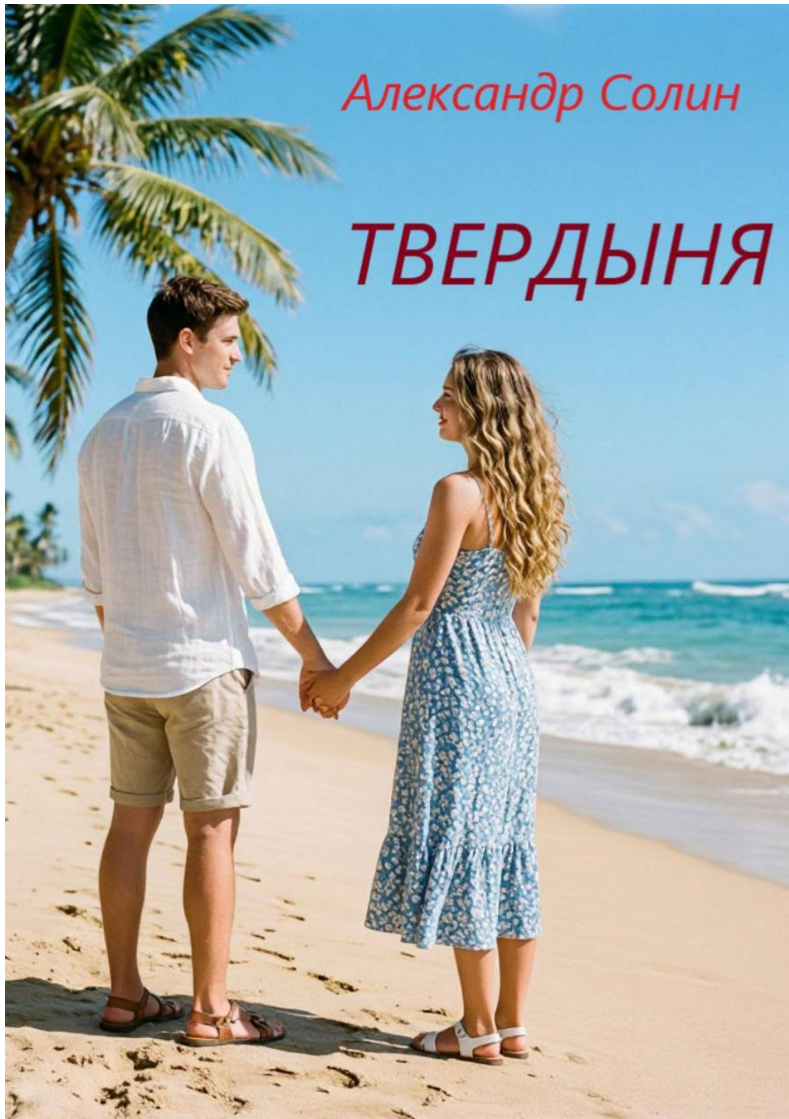

Александр Солин

ТВЕРДЫНЯ

Александр Солин

Твердыня

<https://litres.ru/74313689>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он был практичный мужчина с развитым воображением и прищуренным взглядом на мир, она – современная женщина с обострившимися мечтательными потребностями. Однажды утром жизнь усадила их за разные столики кафе на виду друг у друга, а сама устроилась неподалеку...

Твердыня

La musique savante manque a notre desir

(Нашим желаниям не хватает тонкой музыки)

Артюр Рембо

1

Он был практичный мужчина с развитым воображением и прищуренным взглядом на мир, она – современная женщина с обострившимися мечтательными потребностями. Однажды утром жизнь усадила их за разные столики кафе на виду друг у друга, а сама устроилась неподалеку.

Было это на Средиземном взморье. Или на Канарах. А, может быть, на Багамах. На худой конец, на Фиджи. Словом, в любом месте, куда нынешняя свобода, подкрепленная лишней парой тысяч долларов, может занести наших соотечественников и оставить их там на две-три недели в компании аборигенов. Такие путешествия нынче так же привычны, как и незамысловаты. Несколько часов полета – и вы в жарких объятиях чужой валюты.

Не успеет турбуленция сложить потрепанные крылья, а моторы перевести дух, как нашим путникам уже кажется, что все им тут рады, что только их тут и ждали и что они

не хуже других дорогих гостей, и что так будет всегда, и еще много чего им кажется, пока однажды не заметят вежливую скуку в местных глазах, пока вдруг не возникнет ощущение, что все это уже было, пока с досадой не обнаружат, что количество звезд у отеля за ночь не прибавилось, пока не обожжет их слизистую аромат жареного мяса на закате дня и в голове не вспыхнет «Смотри-ка, пахнет совсем, как у нас!» И вот они уже примеряют местную жизнь к родным пенатам, и родные одежды оказываются велики местной жизни, и так до тех пор, пока кто-то внутри не скажет «Пора домой!» и не начнет обратный отсчет.

Что ж, домой, так домой. Только сначала это открытое кафе под томными пальмами с видом на отдохнувшее море и причудливую геометрию туристической сферы. Потому что солнце они заберут с собой, но чтобы оживить потом эти припухшие от влажности краски, необходимо увезти в памяти распущенные, скользящие по волнам кофейного аромата паруса утренней прохлады, запахи пряностей, йода и соли, вкус горького моря, сладкого теста, подгоревших скал и затонувших кораблей, всхлипы волн и лапшу праздных звуков, ласки ветра и затрешины его старших братьев. Близкое расставание обостряет чувства, оттого особенно заметно, как отстраняясь и обретая налет музейного экспоната, тускнеет улыбка чужого ландшафта, как отворачивается от вас ввиду вашей текущей ненужности чужая земля. Ну и хрен с ней. Бог даст – вернемся. Или другую найдем.

Так думал одинокий практичный мужчина гладкой наружности, соединяя внутри себя панораму с капучино и подбрасывая незаметные взгляды в костер любопытства, зажатый в нем незнакомкой за соседним столиком.

«Наша... – без особого пристрастия думал он. – Лицо и руки загорелые, значит, здесь никак не меньше недели. Тогда почему я не видел ее раньше? Ведь такую женщину трудно не заметить...»

Женщина сидела к нему боком, откинувшись на спинку кресла и поводя взглядом, будто пытаясь нащупать связь между случайными точками пространства. Иногда мужчина мешал ее взгляду, и тогда она скользила по нему с обидным для него безразличием. На столе перед ней одиноким часовым маячил длинный оранжевый стакан.

«А если бы увидел раньше, что тогда? – продолжал размышлять мужчина. – Честно говоря, не знаю. Курортный роман? Это пошло. Не те нынче времена. Крутить за границей роман с нашими бабами – дурной тон. Хотя женщина она, надо признать, видная. Да что там видная – просто конфетка! Сколько же ей? Думаю, около тридцати. Прекрасный для женщины возраст, кто понимает! Ну, ладно, ладно, размечтался! Тут у нее наверняка где-нибудь рядом муж ошивается, похмельем мается...»

Оттого что любопытство его было скорее праздным, чем деятельным, костер попыхивал, не разгораясь, но и не торопясь погаснуть.

«Интересный мужчина, - думала тем временем женщина, - на артиста похож. Только очень нахальный. Глазами так меня и ест. Голодный, что ли? Неужели не с кем? Такой нахал и не с кем?»

Женщина оперлась локотком о подлокотник кресла и, возложив подбородок на маникюр, выставила мужчине на обозрение свой замечательный профиль. Морской воздух, еще способный в этот час на тонкие оттенки, тербил их обоняние возбуждающим запахом первородного рыбьего греха. Не спуская с соседки глаз, мужчина неожиданно для себя громко сказал:

- Хорошая здесь, все-таки, погода, согласитесь! За все время не единого шторма!

Сказал, совершенно не заботясь, что может ошибиться, и женщина окажется иностранкой. Женщина медленно повернула к нему голову и слегка приподняла брови:

- Простите, это вы мне?

- Да, конечно, если позволите!

Женщина также медленно вернула голову на место и, помедлив, ответила:

- Так и быть, соглашусь.

Мужчина привстал, зафиксировал, взявшись за блюдце, намерение и спросил:

- Вы позволите к вам присоединиться?

Не меняя позы, женщина молчала дольше, чем следовало, чтобы сказать «нет» и меньше, чем «да» и, наконец, сухо

разрешила:

- Присоединяйтесь, что с вами поделаешь.

И мужчина быстро переметнулся за ее столик, потому что практичный мужчина всегда должен думать о перспективе.

- Меня зовут Олег, а вас? - тут же принялся он утаптывать площадку.

- А меня Ольга, - по-прежнему сухо и не сразу отвечала женщина.

- Ольга, Олег! Какое славное сочетание, не правда ли? – осветилось лицо мужчины.

- Вы находите? – с сомнением сказала женщина.

- Безусловно! – ответил мужчина с энтузиазмом.

- Ну, не знаю, - сказала женщина. - Мне мое имя никогда не нравилось. Холодное и колючее, как лед.

- Что вы, что вы! Замечательное имя! – лучился мужчина.

- Что делать, какое есть, - заключила женщина, не поддаваясь на мелкую лесть.

- Скажите, а вы давно здесь? – пошел мужчина щупать почву дальше.

- Завтра улетаю.

- Ш-ш-ш-то вы говорите! – округлились его глаза, и он сбился с курса, потому что слова женщины открывали путь сразу несколькими продолжениям. - Что вы говорите! – повторил мужчина, лихорадочно соображая, по какому пути пойти.

Вот интересное дело! Всего лишь десять минут назад он

раздумывал – а не плюнуть ли ему на тлеющий окурок любопытства, чтобы затушить, да и выбросить, потому что времени не осталось даже на короткий флирт. А теперь вот сидит и во все глаза пялится на эту женщину, которая пытается выглядеть недотрогой, на ее зачесанные вверх и схваченные широкой заколкой светло-русые волосы, на прозрачную капельку сережки, что дрожащим замочком хранит секрет горделивой посадки головы, на матовые перекаты скул, потемневшие от солнечных поцелуев. Что с ним? Откуда этот по-восточному внезапный приступ либидо?

- Где же вы были раньше, и почему я вас не видел? – оформил он, наконец, свою главную, а главное, глупую мысль.

«Ну вот. Типичный пример мужского эгоизма. Это я, видите ли, должна была попасть ему на глаза, а не он мне» - подумала женщина и ответила:

- Наверное, плохо смотрели.

- Да нет, я же всех тут знаю! Я ведь тоже завтра улетаю!

Женщина повернула к нему лицо, чтобы выразить вежливое удивление такому совпадению, но столкнулась с его взглядом. Решив было за секунду до этого ослабить защиту, она тут же передумала. Еще бы! Ведь дело принимало для него практический оборот! Во-первых, они улетаю в один день и, возможно, одним самолетом. Во-вторых, она сказала – улетаю, а не улетаем. Стало быть, мужа нет? А если даже есть, то что это за муж, который отпускает жену в такое путешествие одну? Или так уверен в ее верности, или дурак. А

поскольку, по мнению мужчин, верных жен не бывает – значит, дурак. Во всяком случае, чтобы это проверить впереди у него целые день и ночь!

Вот так она представила себе внутреннюю логику его взгляда и все тех, кто тарасился на нее раньше, потому что другой логики у примитивных существ по имени мужчины не бывает. Только для этой логики, прости господи, ей хватает ее мужа!

И как раз тут она сильно ошибалась.

Считая себя, как и всякая женщина, куда как проникательнее мужчин, она, тем не менее, не могла знать о себе то, что доступно только мужчине. Любой мужчина, даже захудалый телом, но не глазом, нутром видит и чувствует, хоть не может объяснить словами, что есть женщины и Женщины. И если первыми хоть пруд пруди, то вторых, тех, что бог создает являть вечное женское начало - единицы. Счастлив и обречен тот мужчина, который встречается такую Женщину, будь она святая или порочная, красивая или безобразная. Он либо гибнет, либо бежит от нее, чтобы навсегда потерять покой. Именно это и ощутил ушибленный ее началом, словно током практичный мужчина гладкой наружности.

Однако всего этого Женщина не знала, потому что есть на свете вещи, о которых она, к счастью, знать не должна. А потому ей стало скучно, она взяла сок, откинулась на спинку кресла и отпила глоток, всем видом давая понять, что занялась, наконец, настоящим и нужным делом.

Да, она была из верных жен. «Моя твердыня» - хвалился ею муж наравне с прочей недвижимостью. Только что в этом такого необычного? Разве она одна такая? Ведь это так естественно – супружеская верность! Хотя, наверное, на самом деле многие женщины мечтают изменить - ведь мечтательные потребности развиваются у них не на пустом месте! Но ведь изменяют далеко не все! Разве она не знает это на примере своих подруг? Иначе, для чего существуют подруги? Утешать? Отводить душу? Обсуждать других? Нет, подруги нужны, чтобы самой не наделать глупостей. Например, с таким привлекательным кобелем, как этот. Не хватало еще, чтобы они возвращались одним самолетом!

И женщина, вернув на стол недопитый согласно приличиям стакан, решила, что пора заканчивать пустой разговор. Но с места почему-то не сдвинулась.

- А скажите, Ольга, из какого вы города? - спросил в этот момент мужчина, пытаясь привлечь ее взгляд.

- Питер, - не глядя на него, обронила женщина.

- А я из Москвы! – зачем-то обрадовался мужчина.

- Рада за вас, - сухо ответила женщина.

«Черт, и чего она такая неласковая! - с раздражением подумал мужчина. - Ведь я же не в кровать ее тащу! Всего-то и прошу поговорить! Или рожа моя ей не нравится?»

- Вы только не подумайте, что я пристаю, - заторопился он. - Просто думал - может, помочь чем надо соотечественнице! Ведь вы же здесь одна?

«Конкретный мужчина! - усмехнулась про себя женщина.
- Ишь, как ненавязчиво интересуется!»

- Нет, спасибо, мне помощь не нужна. Меня в аэропорту муж будет ждать.

- Так, может, здесь чем-нибудь помочь, донести что-нибудь...

- И здесь ничего не нужно.

Мужчина сник и как-то растерянно произнес:

- Ну, извините... - и свернул голову в сторону бухты.

Некоторое время молчали.

«А он не такой уж и кобель! - вдруг смягчилась женщина, заметив, что ему не чужд конфуз. - Наверное, с виду только нахальный. Ведь они, москвичи, все такие!»

И примирительно сказала:

- Тем более что мы летим, скорее всего, в разное время...

- Так ведь это завтра! - снова ожил мужчина, уловив сигнал. - А сегодня можно было бы погулять, осмотреть тут кое-что напоследок! Ведь целый день впереди, как-никак! Вы, кстати, где базируетесь?

- Я базируюсь в соседнем отеле, - впервые улыбнулась женщина.

«А что! Ведь никогда больше не встретимся! Так, может, просто по-дружески пообщаться? Чего мне бояться, ведь я же твердыня! Заодно и проверим» - словно оправдываясь перед кем-то, подумала она, потому что пугающий для нее вывод состоял в том, что мужчина понравился ей с первого

взгляда. Первый случайный мужчина за тридцать два года ее жизни, которому она не отказала в знакомстве.

- Так вы согласны? – напрягся мужчина.

- Ну, хорошо, - не стала она его мучить, - но при условии, что вы будете вести себя прилично.

- Обещаю вести себя прилично! – округлив глаза, поклялся москвич.

- Тогда проводите меня до отеля, мне нужно переодеться и взять кое-что с собой. Только помните – я вам не дама с собачкой.

- Да, да, конечно! Обещаю – никаких собачек!

Мужчина одним махом осушил загустевшее озерцо кофе, и они покинули заведение – она впереди, он за ней. Пользуясь позицией, он сразу же оценил ее целиком и остался доволен до невозможности. Они спустились с террасы на вымощенный плитам променад, где под присмотром раскидистых сосен в длинных ласковых иглах дичали и жирели вырвавшиеся из худосочных горшков вечнозеленые кусты, и пошли рядом.

- Могу я полюбопытствовать, как вы отдохнули? – с удовольствием улыбаясь, спросил москвич.

- Спасибо, хорошо.

- Не скучно было одной?

- Я здесь с хорошими людьми познакомилась из Саратова.

- Очень жалею, что не оказался на их месте.

- И что бы тогда?

- Тогда бы я стал... вас опекать. А вы что подумали?

- Приблизительно то же самое. Ведь вы любите опекать женщин, не так ли?

- Только если они сами этого хотят!

- Ну, так вот – со мной вы бы остались без работы!

- Говорить доброе утро и желать спокойной ночи, а между этим дарить цветы вы считаете работой?

- Нет, я считаю это хорошим воспитанием.

Кусты и деревья со стороны моря оборвались, открылся пляж с обнаженными до известной степени телами.

- Нет, я все-таки не понимаю, как ваш муж отпустил вас сюда одну! – косясь на обнаженные тела, поделился терзавшей его мыслью мужчина.

- А что со мной может случиться?

- Ну... я не знаю... всякое...

- Ну, например?

- Ну... вы ведь такая... привлекательная!

- Привлекательная? И только?

- Ну, если честно – вы просто красавица!

- Я знаю, - скромно сказала женщина, - а потому не злоупотребляю.

Мужчина посмотрел на нее, не скрывая восхищения: в ее словах не было ни малейшего жеманства.

- Вы исключительно современная женщина! – воскликнул он.

- Да, стараюсь соответствовать.

Вокруг нее образовался шарм, пока еще неокрепший, пугливый, но имеющий все шансы стать крепким и пьянящим, как изысканное вино, от которого теряют голову. Мужчина был в восторге.

- В свою очередь любопытствую, как ваша жена отпустила вас сюда одного, - сказала женщина безразличным тоном.

- Я не женат. Вернее, женат, но мы с женой давно не живем вместе.

- Занятная ситуация. Другими словами, вы оказались плохим опекуном?

- Скорее, ей надоела моя опека.

- Бедный! Оказывается, вас не поняли!

- Считайте, как хотите. Не скрою, я долго страдал, но теперь я здоров.

- Что ж, это не последнее дело. Детей у вас, конечно, нет?

- Нет. К сожалению, нет. А у вас?

- Сын. Шесть лет. С бабушкой и мужем.

- А, ну да!

Таким образом, не успев даже толком познакомиться, они выяснили друг о друге главное, а именно: то, что можно ему - нельзя ей. То, что можно Юпитеру, не дозволено Юноне. Некоторое время они шли молча, ощущая спиной жгучий интерес солнца к их дальнейшей судьбе.

- Сегодня будет жарко, - сказал он.

- Да, обещали тридцать в тени.

- Это не страшно, когда рядом вода.

- И кондиционеры.
- А что вам больше нравится?
- Мне нравится и хочется иногда побыть одной.
- Ну, это не желание, это счастье.
- Вот как? Вы тоже этим страдаете?
- Да. Можно сказать, родственная вам душа.

Женщина бросила на спутника быстрый взгляд, желая видимо понять, не шутит ли он. Мужчина был серьезен, и серьезный вид шел ему больше.

- Ну, вот мы и пришли. Подождёте меня здесь или в холле?
- В холле, если позволите.
- Ну, конечно, пойдёмте!

Зашли в отель, женщина показала, где ее ждать и уже направилась к лестнице, когда он вдруг окликнул ее:

- Ольга!

Она оглянулась.

- Одна просьба, если можно.

- Да, конечно! Что?

- Не берите с собой ваших саратовских друзей, если можно.

Она рассмеялась:

- Ну, конечно, можно!

И ушла.

Он остался и, заложив руки за спину, принялся расхаживать среди отдыхающих, прислушиваясь, как сквозь фильтры напускной беззаботности и заслоны зубоскальства в его сердце начинает проникать гремучая смесь радости и тоски. Нельзя сказать, что смесь эта была ему незнакома. Впервые он познал ее еще в юности, когда беззащитный и несчастный влюбился в одноклассницу. С тех пор эта эссенция добровольного рабства исправно наполняла его в минуты любовных помрачений. Возбуждая неистовый аппетит плотского желания, она через некоторое время уступала место дежурному чувству, дремлющему на чистых простынях тихой спальни и не рвущемуся за облака. Однако в этот раз гремучая смесь, судя по всему, вознамерилась вспомнить молодость: он ощутил это по ее первым пробным уколам. Возбужденный и неосторожно счастливый, он не знал, как себя вести. С одной стороны, ни о каком флирте при такой пропорции не могло быть и речи. С другой стороны, процесс накопления смеси, пущенный, так сказать, на самотек грозил – о, ужас! – разорвать его на части, если он позволит ему достигнуть красной черты. Вот что такое радость и тоска в одном флаконе...

По мере того, как ожидание затягивалось, он все чаще обращал взгляд в сторону лестницы. В холле работали кондиционеры, и, оказываясь у истоков технической прохлады, он ощущал тугую жар своих щек. Наконец она появилась и стала выглядывать его среди людей в шортах и рубашках. Он

невольно подтянулся, заулыбался и помахал ей рукой. Она заметила его.

- Ну, вот и я! – сказала она, подходя и улыбаясь. - Не устали ждать?

- Я мог бы ждать вас всю жизнь! – с шутливым пафосом произнес он.

- Я же просила вас – никаких собачек! – поморщилась она.

- Простите, вырвалось. Больше не буду, - склонился он.

- Хорошо, тогда вперед!

На ней были короткие светлые брючки и миленькая блузочка цвета страны пребывания с тремя расстегнутыми верхними пуговками, взбитыми плечиками и короткими рукавчиками. Умеренный каблучок сандалий красиво выгибал загорелый подъем ступни, подтягивал икры, распрямлял спину, расправлял плечи. Легкая сумка на сгибе руки, черные очки меж длинных пальцев на весу в одной руке, невесомая шляпа в другой - никакого вызова, никакой безвкусицы, все просто и естественно, словно она с этим явилась в мир. От него не укрылось, что она поработала с лицом. Не то, чтобы наложила макияж, но подправила здесь, махнула там, проверила губы, подобрала лишние локоны, одним словом, в очередной раз победила хаос. Она даже не представляла, до чего хороша. Чужая жена. У него заныло сердце. Нет, нет, никакой воли чувствам! Только крепостное рабство! Он облизал пересохшие губы. Господи, ведь еще час назад он был весел и беззаботен!

- Ну, и куда вы меня поведете? – спросила она, когда они оказались снаружи. - Кстати, я совсем забыла – вам, наверное, тоже нужно переодеться?

Он подумал и ответил:

- Вообще-то было бы неплохо. Нам ведь все равно в ту сторону. Я хотел бы сводить вас в верхний город. Там есть один славный ресторанчик, откуда открывается красивый вид. Если вы не против.

- Я не против, - сказала она, надевая шляпу и очки. - Вот. Я готова.

И они двинулись в обратную сторону. По правде говоря, ему теперь было наплевать, куда идти, раз она была рядом. Единственная его забота состояла в том, чтобы мало-мальски сохранить беспечный тон и непринужденный вид. А что тут может быть лучше, чем отвлеченные темы.

И он стал рассказывать, как ему нравится Питер (а она – как ей не нравится Москва), перечислять страны и города, в которых он побывал (почти ни в одной из них она не была и, вообще, путешествует мало), как его достали московские пробки (слава богу, она не водит машину) и какая умная у него кошка Муся (кошек она любила тоже). Он говорил легко и вдохновенно, пользуясь любой возможностью, чтобы взглянуть на нее. Она большей частью смотрела себе под ноги или вдаль, реплики роняла сдержанные и короткие. Он начал было про футбол, но она его перебила:

- Простите, кем вы работаете?

Он замер посреди красноречия, как орел, набравший высоту, и сделав паузу, спикировал оттуда в надежде сорвать куш:

- Вице-директором российского филиала крупной французской компании!

- Звучит солидно, - не то похвалила, не то подцепила его спутница. - Кстати, мы, кажется, пришли. Если вы здесь действительно живете.

И поймав его озадаченный взгляд, добавила:

- Ну, идите, что же вы ждете!

Он заторопился, заговорил быстро, сбивчиво:

- Да, да... здесь... действительно здесь... я быстро! Вы где хотите подождать? Может, в холле? К себе, сами понимаете, не приглашаю... извините...

- Идите, идите, я здесь подожду.

Он убежал, она отошла в тень, отвернулась к воде и сняла очки. Было около полудня. Солнце заполнило небо и выбелило море, неподвижная жара набирала силу. В такую пору следовало быть поближе к воде, а не карабкаться в гору в поисках сомнительных достопримечательностей. Зачем она согласилась на это очевидно вздорное предложение совершенно незнакомого человека? Конечно, он изо всех сил старается ее развлечь, у него хороший язык и тонкий юмор, но разве этого достаточно, чтобы следовать за ним? В конце концов, этот день она как-нибудь переживет – не на баррикадах же... А завтра домой, к сыну. Муж громко скажет: «Вот и наша ма-

маня вернулась!», будет шутить, лапать, заглядывать ненароком в глаза, пытаюсь отыскать там предполагаемую измену, потому что «твердыня» – это так, на публику... Ночью будет долго демонстрировать свою мужскую силу, измучит, доказывая всему свету, что она по-прежнему принадлежит только ему... Животное... Богатое животное...

Женщина вздохнула, надела очки и повернулась в сторону отеля. В этот момент в дверях появился москвич.

«А-а-а, была - не была! Проведу хоть здесь один день с чужим мужиком! Если дома такое - ему сразу доложат. А так будет, что вспомнить...»

И когда он подбежал к ней, как подбегает к ноге верный пес, запыхавшись, глядя на нее немного виновато, она улыбнулась и сказала:

- Вы так быстро вернулись, что я не успела даже по вас соскучиться!

Он вытаращил глаза, ища подвох, нашел его и рассмеялся громко, облегченно:

- Ах-ха-ха-ха-ха! Понял! А-х-ха-ха!

Они стояли на месте, и он топтался перед ней, глядя во все глаза, пока она говорила, удерживая его тем самым перед собой, чтобы, наконец, получше рассмотреть:

- Я тут подумала знаете учитывая такую жару конечно лучше бы побыть у воды или еще знаете что можно сделать например пойти в кафе на крыше отеля я думаю у вас здесь тоже есть тем более что скоро обед но мне есть не хочется

кто же ест в такую жару а тут тащиться по жаре в гору по улицам там наверняка душно и что мы там найдем такого интересного чего я еще не видела. А, впрочем, как хотите, - закончила она осмотр.

У него были честные глаза и крупный красивый рот, сухие, ровные щеки, стекающие к твердому подбородку с еле заметной ямочкой посередине. Может быть, чуть крупноват нос, но не настолько, чтобы бросаться в глаза. И ресницы – длинные, густые, черные, как у породистой женщины. В них таилось главное коварство его лица. Не говоря про густую шевелюру, стриженную под Жерара Филиппа. Последний факт ее особенно покори́л, учитывая вечноголимую лысину ее мужа. Женщина поймала себя на том, что ей хочется запустить туда пальцы.

«Ах, хорош! – подумала она. - Даже сам не знает, как хорош! Наверное, бабник непроходимый!»

- Как хотите, - повторила она.

- Я понял вас. Тогда вот что. Метров двести отсюда по берегу есть небольшой ресторанчик, где всегда мало народа. Можно устроиться там. Оттуда я вам все покажу и расскажу. Не понравится - уйдем. Ну, так как?

- Хорошо, идемте.

И они пошли по тем же плитам, почти молча дошли до ресторанчика и устроились там в углу друг напротив друга.

- Что вам заказать? – спросил мужчина.

- Чай с лимоном, если не трудно.

- Холодный, горячий?

- Давайте горячий.

Он поднял руку, и притаившийся в глубине ресторана человек тут же возник возле них.

- Два горячих чая с лимоном, - по-английски велел москвич.

Человек удалился.

Мужчина поставил локти на стол, подпер сложенными в красивый домик пальцами подбородок и стал смотреть на женщину размягченным взглядом.

- Почему вы на меня так смотрите? – не выдержала женщина.

- Мне кажется, что я вас знаю давным-давно.

Она хотела было сказать «опять вы за старое, ведь я же просила – никаких собачек», но сказала совсем другое:

- Расскажите о себе.

Его глаза вспыхнули и сосредоточились.

- Ну, что вам рассказать... Москвич. Тридцать шесть лет. Мать, отец, сестра младшая. Семейное положение вам известно, место работы тоже. Живу один в квартире, где раньше жили бабка с дедом. Работа нравится, платят хорошо. Вредные привычки: люблю французские вина, курю, но неохотно. Надеюсь, вы не курите?

- Боже упаси!

- Слава богу. Не люблю курящих женщин. С ними, извините за подробности, целоваться неприятно.

- Ну, со мной вам это не грозит...

- Это я уже понял.

- И много вам приходится целоваться?

Что в переводе с женского означало: «А теперь о твоих бабах, пожалуйста!»

- Вы не поверите, почти полгода не прикасался...

- Позвольте вам не поверить! – слишком горячо отреагировала женщина.

- На самом деле так и есть. Вы знаете, после того, как мы с женой окончательно расстались, я сильно переживал и потерял интерес к другим женщинам. Совсем недавно начал отходить, появилась подруга, но теперь придется дать ей отставку.

- Это почему же?!

- Потому что есть вы.

- Ну, знаете ли!.. – дернулась она назад, как от пощечины.

- Знаю, знаю, не сердитесь, - вытянул он к ней руку, - такой уж я есть. Целоваться с другой, зная теперь, что есть вы – нет, не стану.

Это был, что называется, удар под дых, запрещенный прием из арсенала неразборчивого соблазнителя. Женщина покраснела и растерялась.

- Понимаю, - сказал мужчина, - думаете, донжуан. Нет, ошибаетесь. Вечером, если вы, конечно, вытерпите меня до вечера, мы расстанемся и больше никогда не увидимся, я это знаю. И вот что еще: я сказал все, что хотел. Больше я к этой

теме не вернуться, обещаю. Давайте пить чай.

Им уже несли чай. Человек выгрузил чашки с подноса, пожелал приятного аппетита и исчез.

- А вы знаете историю этих краев? – возобновил общение мужчина.

- Да так... что-то читала в Интернете... - неохотно ответила женщина.

- Представляете, ведь этот остров, как, кстати, и все другие на земле, не что иное, как затопленные до самых вершин горы! Мы с вами сейчас пьем чай на вершине горы! Пьем чай, а недалеко от нас может проснуться вулкан и начаться извержение!

- Ах, не пугайте, пожалуйста! – вяло отмахнулась женщина, думая о чем-то своем.

- А еще эти места считают раем на земле! Знаете, есть такой французский поэт Шарль Бодлер. Так вот он писал:

*Когда в вечер осенний, забыв обо всем,
Я вдыхаю тепло твоей жаркой груди,
Вижу радостный берег морской впереди,
Опаленный усердного солнца огнем*

*И запахом ведам в страну иных ветров,
Я вижу шумный порт из мачт и парусов,
Еще уставших спор вести с морской волной,*

*Зеленый тамаринд весь в запахе духов,
Что в ноздри мне плывет и полнит их собой,
Мешается в душе там с песней моряков *)*

- Чувствуете, как похоже?

Женщина слушала, не отрывая от мужчины глаз, а затем сказала:

- Вы, все-таки, пытаетесь меня обольстить...

- Ни в коем случае! Я просто пытаюсь вас развлекать! Или я, по-вашему, должен набрать в рот воды, то бишь, чаю? На самом деле я здесь почти ничего не знаю. Вот если бы мы с вами оказались в Париже, там бы я знал, о чем говорить!

- Мы с вами не окажемся в Париже. Вы знаете еще стихи?

- Совсем немного. Это обрывки того, чем потчевала меня моя покойная бабушка. Она преподавала французский в Университете, ну и, естественно, заставила меня его учить. Как оказалось, не зря.

- Прочитайте что-нибудь еще.

Мужчина наморщил лоб:

- Сейчас. Дайте вспомнить... что-нибудь по теме... да, вот это.

*Прощай! – гудок свистит, в котлах огонь гудит;
Швартовы ль отдают, идет ли поезд в ночь;
Прибытье ли, отъезд: прощай! – волна шумит;
Идут ли с моря в порт, от берега ли прочь.*

*Все розы расцветут, и мы их соберем;
Лист за листом в саду деревья облетят.
Прощай! – в рожденья час, прощай! – когда умрем
И вслед счастливым дням несчастья улетят. **)*

- Вот видите – вспомнил! Но не просите больше. У меня все перепуталось, остались обрывки одни.

- Да, обрывки... А я уж и не помню, когда книгу последний раз в руки брала...

Они замолчали, не глядя друг на друга.

- Мой муж старше меня на десять лет. У него серьезный бизнес, он всегда занят, а я так... в основном, с сыном. Ну, там, мероприятия разные еще бывают, а в остальном - скучная жизнь...

Почему она ему это сказала, ему, случайному человеку? Но он в ответ понимающе кивнул головой:

- У меня ведь тоже, - сочувственно начал он, - вроде жизнь кипит, все время в движении, дела, встречи, мероприятия, а как домой придешь, только вот кошка и встречает... В общем, выходит, несчастные мы с вами люди, Ольга! - широко улыбнулся он, расправил плечи и вдруг бесшабашно воскликнул: - А знаете что! А давайте-ка мы с вами по такому случаю пойдем купаться! Как вы считаете?

Его тон передался ей, потому что она улыбнулась и, как гимназистка, задорно выкрикнула:

- А давайте!

- Вот и прекрасно! Что нам для этого надо?

- Переодеться! Идемте сначала к вам, а потом ко мне!

- Да, да, сначала к вам, а потом ко мне!

- Нет, наоборот! – смеялась она.

- Да, наоборот! - смеялся он.

Они вскочили, он бросил деньги на стол и отступил, освобождая ей проход.

- Бассейн, море? – спросил он.

- Только море! – пружинила она шаг.

От прежней замужней дамы не осталась и следа. Рядом с ним спешила жить грациозная девчонка.

- Вы знаете, я так люблю море, так люблю воду! У меня дома никто не любит, а я люблю! - почти захлебываясь, говорила она. - Я готова купаться в любое время суток! Я у себя там купаюсь до последнего, до октября! Никто меня не понимает, все стоят на берегу и дрожат, глядя на меня, а мне хоть бы что! Вы представляете?

Он шагал рядом, улыбался, не перебивал. Дошли до его отеля.

- Подождете? – спросил он.

- Нет, давайте вот что сделаем! Вы идите к себе, а я, чтобы быстрее, побегу к себе! Вы возьмите, что надо и идите мне навстречу! Договорились?

- Договорились! – любовался он ей.

- Ну, идите! Что вы стоите!

- Иду, иду! Будьте осторожны! Не споткнитесь!

- Ладно!..

И заспешила по чистым сухим плитам. Он некоторое время смотрел ей вслед, затем пошел к себе, не отпуская улыбку с лица.

Он успел дойти до ее отеля, когда она показалась на выходе. Он остановился и стал ждать, глядя на надвигающуюся фигурку в шортах и газовом платке, схваченном узлом пониже груди.

«Господи, боже мой! Да где же ты была раньше!» - ужаснулся он количеству гремучей смеси, которой набралось в его сердце, как воды в разошедшейся лодке...

- Ведь я быстро? – первым делом спросила она.

- Как метеор!

Они спустились на пляж и нашли место под нарядными зонтиками, чьи уменьшенные копии опускают нынче в коктейли с неизвестной целью. Она сбросила платок, шорты, кинула их с сумкой на лежак, стряхнула по очереди шлепанцы, крикнула «Догоняйте!» и устремила к воде. Он, не выпуская ее из виду, тоже скинул шорты, добавил их вместе с полотенцем к ее вещам и последовал за ней.

Плавала она, как и большинство женщин, аккуратно и экономно, стараясь не замочить волосы и держа над водой лицо со слегка выставленным подбородком. Он бесшумно скользил параллельным курсом, чуть отстав и испытывая умиление от ее старательных усилий. Она плавала долго и

сосредоточенно, почти у буйков, и, наконец, повернула к берегу. Он за ней. Выйдя на влажный песок, она остановилась, повернулась к воде и подставила лицо солнцу, уперев кулачки в бедра. Ее бикини соответствовали ее замужнему положению, а тело заставляло искать повода для знакомства. Мужчина встал неподалеку и принял ту же позу.

- Как хорошо! – сказала она, не поворачивая к нему головы, зная, что он ее слышит.

- Да, замечательно! – поторопился подтвердить он.

Потом они лежали на белых лежаках, подставив спины на съедение солнцу, и он, свернув голову в ее сторону и подложив руки под щеку, взглядом сквозь дрожащие смеженные ресницы гладил ее тело, но не с вождением, а с нежностью. У него самого было хорошее крепкое тело, притом, что он на полголовы был выше ее.

Она спросила:

- Скажите, а почему вы с женой разошлись?

И он, довольный тем, что, отвечая на вопрос, может смотреть на нее не скрываясь, охотно пояснил:

- Она мне изменила.

- Вам?! – удивилась женщина так, что даже приподняла голову и слишком широко открыла глаза.

- Да, мне, а что?

- Она? Вам? Изменила? Ой, не смешите меня! – уронив лицо на полотенце, заболтала она в воздухе согнутыми в коленях ногами. - Скажите честно, что это вы ей изменили!

- Я?! – мужчина извернулся и сел на лежак, спустив ноги.

- Я?! Ей?!

- Да! Вы - ей!

Мужчина от возмущения покраснел сквозь загар:

- Я?! Ей?!

- Да, да!

- Клянусь вам, что это она мне!..

И видя, что она ему не верит, схватил с земли горсть песка и добавил:

- Хотите, песок съем?

- Верю, верю, не нужно! Выбросьте, пожалуйста! – сказала она торопливо и подумала про себя: «Хм, хотела бы я посмотреть на эту дурочку!»

А подумала она так, потому что любая женщина, даже самая недалекая, видит и чувствует, что есть мужчины и Мужчины. И если первыми хоть пруд пруди, то вторых, тех, что бог создает являть вечное мужское начало – единицы. Счастлива и обречена та женщина, которая встречает такого Мужчину, будь он хоть убийца, хоть метр с кепкой. Она либо гибнет, либо бежит от него, чтобы навсегда потерять покой. Именно это увидела и почувствовала, пораженная его началом, словно током, современная замужняя женщина с обострившимися мечтательными потребностями. Однако всего этого Мужчина не знал, потому что есть на свете вещи, о которых ему знать не положено.

Ибо Начало познается только другим Началом.

И тут их нашли ее саратовские друзья - муж с женой, оба волжских размеров, шумные и трубные, как гудок парохода. Почти по-родственному они стали требовать от нее объяснений, куда она пропала на полдня. Ей пришлось представить москвича, соврав, что это знакомый ее мужа, который только сегодня приехал, хотя врать было вовсе не обязательно, потому что люди из глубинки еще верят на слово, но, с другой стороны, здоровая провинциальная подозрительность компенсирует в них этот недостаток. В итоге они оттеснили москвича, считая, что здесь у них на нее все права, а он всего лишь новичок в ее свите. Королева принужденно улыбалась, путалась в нюансах и отношениях, из которых было сплетено их трехнедельное знакомство, и чувствовала себя на грани раздражения. Но нет худа без добра: мужчина и женщина вдруг одинаково ощутили, как возникшее и окружившее их поле взаимного притяжения стремится исторгнуть из себя непрошенных гостей. Они переглянулись и смутились.

- Друзья мои! – перетянул на себя инициативу москвич.
- Как говорил наш вождь и учитель: «А ну-ка, купаться, купаться и еще раз купаться!» Так что, вперед, дорогие товарищи!

После чего обошел необъятных земляков Шаляпина, взял женщину под руку и направился с ней к воде.

- Извините, - сказал он по пути, - пришлось вмешаться таким образом.

- Вы все правильно сделали, - заговорщчески шепнула ему спутница, не пытаясь освободить руку.

На этот раз он держался совсем близко к ней, так что мог видеть капли воды на ее лице и гримаску усердия, с которой она, складывая губы трубочкой, вздымала при выдохе небольшой фонтанчик брызг. Она плыла, а он кружил и кружил вокруг нее, как акула вокруг жертвы. Нежной жертвы.

Когда они плыли обратно, она сказала:

- Давайте уйдем. Тем более что скоро обед.

И они ушли, несмотря на протесты ее друзей. Он проводил ее до отеля. Там они нашли душную тень, стали лицом друг к другу, и она сказала:

- Ну вот...

И замолчала.

Тогда он спросил:

- Я вам еще не надоел?

- Нет, что вы! – смутилась она.

- Тогда я зайду за вами после обеда, если не возражаете...

- Хорошо, только дайте мне немного времени отдохнуть...

- Конечно! В пять вас устроит?

- Очень хорошо! Мой номер 412, позвоните мне снизу, когда придете, договорились?

- Договорились!

- Ну, все, я пошла!

И она отправилась внутрь, подбирая на ходу отбившиеся от рук волосы.

Он проводил ее взглядом и медленно пошел к себе.

«Да, старик, - подумал он, - сегодня у тебя замечательный день. Только вот как ты будешь жить завтра...»

3

Он пришел к ней за пятнадцать минут до пяти и томился в холле, ожидая условленного времени, когда вдруг увидел ее, спускающуюся по лестнице.

- Ольга! – устремился он к ней.

- Ах, вы уже здесь! – увидев его, смутилась она оттого, что он мог подумать, будто она не вытерпела ожидания. Это ведь нормально, когда мужчина спешит к женщине, но ненормально, когда наоборот.

- А я... а я вот хотела посмотреть... проверить, что у нас сегодня на файф-о-клок... Вы уже пили кофе?

- Нет, - ответил мужчина, - но вы можете выпить, а я подожду.

- Как вы плохо обо мне думаете! – справилась со смущением женщина. - Это же надо такое придумать – я буду пить кофе, а вы маяться в холле!..

- Тогда у меня есть предложение, - сказал мужчина.

- Какое?

- Поскольку мне у вас кофе не дадут, я приглашаю вас в ресторан, где мы пили чай.

- Очень хорошо. Пойдемте, - сразу же согласилась она.

И они пошли той же дорогой, что и утром, и она сказала:

- Так что вы хотели мне рассказать про футбол?

- Про какой футбол? - удивился было он. - А-а, про футбол! Ну, да! Ну, мы ведь с друзьями до сих пор балуемся иногда! Знаете, некоторые уже детей с собой приводят, и они с нами играют тоже! Даже девчонки! Это так забавно!

- Извините, конечно, за вопрос, но почему у вас с женой не было детей? Вы долго были женаты?

- Шесть лет. Детей не хотела она. Не знаю почему. Хотя детей мы иметь могли.

- Странная женщина, - задумчиво сказала Женщина. - Вы любили ее?

- Еще как. Знаете, дело прошлое, но, наверное, надо было любить поменьше. Мне и друзья говорили, что я с ней ношусь, в смысле, носился, как черт с писаной торбой. Ну, как же, генеральская дочь!

- Глупая женщина! – неприязненно заключила его спутница. - Поверьте, она еще пожалеет об этом.

- И бог с ней! Главное, что теперь не пожалею я!

Придя в ресторан, они устроились за тем же столиком, и к ним тут же подошел утренний человек, улыбаясь и всем видом доказывая, что он их узнал. Он почтительно посмотрел на женщину и что-то сказал.

- Он спрашивает, нравится ли вам здешний курорт, - перевел москвич.

- Да, да, замечательное место, скажите ему, и ресторан у

них замечательный, мне нравится!

Москвич перевел, и человек расцвел, не спуская с женщины глаз.

- Что будете - чай, кофе?

- Давайте кофе. И, может быть, еще очень маленькое пирожное, на его усмотрение.

Москвич перевел, человек переспросил, и между ними произошло небольшое объяснение, после чего довольный человек ушел. Женщина вопросительно посмотрела на мужчину.

- Я ему объяснил, что такое маленькое пирожное. Иначе бы он принес вам целый торт.

- Вы хорошо говорите по-английски, - похвалила женщина.

- А-а, ерунда! – отмахнулся мужчина. - Это так, бытовуха!

Невидимые песочные часы их знакомства, знакомства двух предназначенных друг другу людей, давно миновали экватор и отмеривали теперь фазу смущения. Сталкиваясь взглядами, они их тут же разводили, чувствуя, как жар заливает щеки. Это ужасно волновало и пугало.

Человек принес заказ, и они обрадовались возможности приложить к чему-то руки, которые никак не хотели их слушать. Кофе пришелся ко времени. Они пили его, нахваливая и пряча за преувеличенным усердием свое волнение и предчувствие. Мужчина знал в кофе толк и вспомнил по этому поводу пару занятный историй. Женщина, увлеченная рас-

сказом, слушала, подавшись вперед и не спуская с него глаз.

- Расскажите о себе, - неожиданно попросил он.

Женщина враз потухла, откинулась на спинку и скрестила руки на груди.

- Мне нечего особенно рассказывать, - сказала она тусклым голосом и отвела глаза.

Два океана – воздушный и водный - провожали солнце на покой, подставляя щеки его прощальным поцелуям. Пальмы в стороне, едва шевеля пальцами, бисерным почерком писали письма березам. Они писали, что живут на высоком удобном месте, где глубокая и питательная почва, что у них есть голубое море с белыми яхтами и большими кораблями и что окружающие скалы, поросшие бедным колючим кустарником, им не мешают. Они писали, что солнце здесь щедрое и не скупится на золото, а луна – на серебро. И что все бы хорошо, но хозяин тут - ветер. Порой его долго не видно и не слышно, но временами он налетает и, как насильник, заламывает им руки, норовя опрокинуть. После он, конечно, трется и просит прощения, но они его все равно боятся.

Солнце из-за горы махнуло на прощание золотой рукой и уступило место тихому вечеру. Пальмы устали писать и задумались.

- Мне нечего особенно рассказывать, - наконец решилась она. - Моя жизнь обеспечена, но... как бы это сказать... пуста. У меня высшее гуманитарное, но сейчас я не работаю. Конечно, я не сижу на месте, я двигаюсь, что-то делаю, гово-

рю, общаюсь, даю указания, но, знаете, все это не то. У мужа специфические друзья, а их жены мне завидуют. Хотят, наверное, чтобы я стала, как они. Не дождутся! – сказала она с крепкой интонацией в сторону пальм, будто они и были те самые жены.

И замолчала, сжав губы.

Мужчина подождал немного, и не услышав продолжения, сказал:

- Очень хорошо вас понимаю. Одно дело, когда имеешь дело с интеллигентными людьми - тут и беспокоится нечего. И совсем другое, когда имеешь дело со всеми остальными.

Он помолчал и добавил:

- Знаете, Ольга, нас, людей, можно сравнить с одеждой. Ведь что получается: она сняла с нас мерку и зажила собственной жизнью. Висит в магазинах и шкафах, лежит на полках, бесформенная и неподвижная, но оживает только тогда, когда внутри нее поселяется ее создатель. Так и мы - живем по-настоящему, только когда внутри нас бог. Иначе получается, как у Набокова: «Подштанники на веревке надувались мнимой жизнью». Скорее всего, друзья вашего мужа и их жены и есть те подштанники...

Женщина улыбнулась:

- Спасибо за поддержку... Хотя, я, наверное, сгустила краски. Обстановка способствует, и собеседник вы прекрасный... И потом, что тут жаловаться, я сама выбрала такую жизнь.

Быстро темнело. В ресторане зажгли огни. Посетители, в основном из местных, собирались на ужин.

- Наверное, нам пора... - неуверенно сказала женщина.
- Мы могли бы здесь поужинать... - предложил мужчина.
- Спасибо, не хочется. День был такой впечатлительный...

- улыбнулась женщина.

- Но ведь мы еще не прощаемся?
- Нет, давайте погуляем, если хотите...
- Хочу ли я!.. – мужчина грустно улыбнулся.

Заметив их намерение, подошел человек. Мужчина рассчитался и похвалил ресторан. Человек пригласил заходить.

- Ну, не знаю, не знаю... - отвечал ему москвич по-русски, взглянув на женщину и улыбнувшись.

Они пошли обратно.

Растительность и предметы вокруг них наливались чернотой и влажностью, готовясь слиться со свинцовыми водами бухты. Ему очень хотелось, но он не решался взять ее под руку. Каждый шаг приближал его к неизбежному концу, когда придется сказать «бесконечно рад был познакомиться...» и попытаться улыбнуться. Час банальный расставанья и счастливый встречи час...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.